

ПЕРЕЖИВАНИЕ И СОБЫТИЕ

В. Б. Мелас

1

Слово «переживание» часто встречается и в письменных текстах, и в устной речи. Но это слово выражает феномены двух различных типов. С одной стороны, под переживанием понимают состояние душевного волнения, вызванное некоторой наличной ситуацией. Например, студент на экзамене волнуется, так как не может вспомнить некоторый материал или найти правильный ответ на вопрос преподавателя. Волнуется больной, которого везут на операцию. Футбольный болельщик переживает за любимую команду, которая уступает в счете по ходу встречи. Здесь переживание — это длящийся процесс, заметный со стороны внешнего наблюдателя по характерным признакам, но весьма смутно сознаваемый самим переживающим, если он вообще не поглощен процессом настолько, что не отдает себе отчета о своем состоянии.

С другой стороны, есть иной феномен, который также называют переживанием. Экзамен уже сдан (или провален), и матч уже закончился победой или поражением. Но мы вновь и вновь вспоминаем этот экзамен или этот матч. Причем вспоминаем спонтанно и не как безразличное происшествие в далеком прошлом, но как нечто такое, что происходит здесь и сейчас, хотя и протекает лишь в нашем воображении. В таком переживании воскрешаемое шаг за шагом происшествие предстает как завершенное целое, но всякий раз с измененными акцентами и оценками своих различных сторон.

Возможно также, что экзамен еще только предстоит сдавать в ближайшее время, а футбольный матч или хирургическая операция назначены на завтрашний день. Но нам не удастся сосредоточиться на текущих делах, скажем, на подготовке к экзамену. Вместо того, чтобы заниматься текущим делом, мы вновь и вновь проигрываем в воображении возможные сценарии (какой преподаватель попадется или как будет проходить встреча). При этом предстоящее или прошедшее испытание проходит перед глазами как некоторое целое, а само переживание возникает невольно или, как любят выражаться философы, спонтанно. Предметом такого развернутого представления является не любое происшествие, но лишь такое, которое по тем или иным причинам имеет для нас особое, чрезвычайное значение. Помните,

у Пушкина: «Старик Державин нас заметил, и, в гроб сходя, благословил». В другом месте Пушкин описывает посещение Державиным лица очень детально и выразительно. Высокая оценка Державина, несомненно, способствовала укреплению уверенности юного поэта в своих силах. И Пушкин позднее неоднократно вспоминает об этом.

Под переживанием в настоящей работе я буду понимать именно спонтанное представление предстоящего или состоявшегося испытания как некоего целого, но развертываемого как актуальное происшествие. Нечто подобное происходит с нами, когда мы перечитываем произведение художественной литературы. Хотя мы и знаем конец истории, но живем в ней, как будто это происходит сейчас, а ее концовка раз от разу слегка или значительно изменяет свой смысл.

2

Обратимся теперь к истории слова и понятия переживания. История соответствующего слова и понятия (*Erlebnis*) в немецком языке с убедительной обстоятельностью описана в работе Х.-Г. Гадамера «Истина и метод»¹. Гадамер отмечает, что оно стало привычным только в 70-е годы XIX в. В XVIII в. оно еще полностью отсутствует, и Ф. Шиллер и И. Гёте его также не знают. Гадамер полагает, что это слово проникло в другие европейские языки из немецкого языка. По крайней мере, по отношению к русскому языку мы можем это подтвердить с высокой степенью уверенности. В словаре В. И. Даля, изданном в 1863—1866 гг., это слово не встречается. А огромное влияние немецкой литературы и философии на русскую культуру XIX в. является общеизвестным фактом (см., например, «Письма русского путешественника» Н. И. Карамзина).

Х.-Г. Гадамер предлагает реконструкцию образования слова «*Erlebnis*» (переживание), которая позволяет лучше распознать спектр его различных значений. Слово «*erleben*» (переживать) значительно старше, и поэтому именно в нем надо искать мотив для нового словообразования. Вначале «пережить» означало «быть еще в живых, когда нечто произошло». Поэтому слово «пережить» несет оттенок непосредственности, с которой воспринимается нечто действительное в противоположность тому, что мы только слышим от других. Но одновременно употреблялась форма «пережитое», обозначавшая сохраняющим содержание того, что было некогда пережито. Отсюда двойственность значения слова «переживание» — это и непосредственно данное, и то, что остается.

Из этого анализа видна родственность немецкого и русского языков в плане работы с префиксами. Эта родственность обуславливает легкость заимство-

¹ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1998. С. 104–108.

вания многих слов и понятий путем их трансформации в сходные образования русского языка. Скажем, на английский язык слово «*Erlebnis*» переводится двумя словами «*living experience*», что, будучи буквально переведено на русский, означает жизненный опыт. Жизненный опыт, однако, это уже не переживание, но плохо формализуемая координация представлений об окружающем мире.

В. Дильтей был первым, кто не только ввел в оборот слово «переживание» (в биографии Ф. Шлейермахера, опубликованной в 1870 г.), но и попытался придать этому слову терминологическое значение. По-видимому, эту попытку нельзя считать полностью удавшейся, так как и 35 лет спустя Дильтей колебался в определении этого понятия. Что же касается слова «*Erlebnis*» (переживание), популярность ему принесли многочисленные биографии известных писателей, следовавших за Дильтеем.

Рассмотрим понятие «переживание» как оно предстает в размышлениях Дильтея. Основной единицей сознания для него является именно переживание, а не восприятие или ощущение, что было само собой разумеющимся для неокантианства. Это понятие применяется для обоснования особого содержания наук о духе, что, конечно, огромная отдельная тема и не может быть здесь подробно рассмотрено. Но меня интересует набор примеров, с помощью которых Дильтей поясняет свое новое понятие. Рассмотрим несколько фрагментов, доступных в русском переводе².

(1) «Я узнаю о чьей-то смерти, и во мне возникает острая боль; тут же возникает и выражение таковой в словах, обращенных к другим, или же возникает некое волевое решение, каким-то образом сопричастное с этой смертью».

(2) «Например, переживанием для меня становится картина Дюрера, изображающая четырех апостолов (в Мюнхенской галерее)... Переживание включает в себя и место, где висит картина... Переживание подходит к концу, как только я выхожу из помещения; или кто-то знакомый встретится мне по дороге, и впечатление обрывается и т.д. Но я могу еще раз туда отправиться. Если я иду во второй раз, прежнее переживание лишь обогащается».

(3) «Когда я вижу знакомого, у меня может быть такое чувство, что я не расставался с ним».

Из этих примеров явствует, что Дильтей имел в виду феномены, с которыми мы часто сталкиваемся не только в искусстве, но и в обыденной жизни.

По-видимому, Дильтей не располагал четкой методологией для разработки понятия переживания и других своих идей. Он одобрил метод Э. Гуссерля, когда этот метод появился. Однако у Гуссерля понятие переживания размывается — всякий акт сознания уже называется переживанием. На мой

² Дильтей В. Собр. соч. Т. 4. М., 2001. С. 428–429.

взгляд, первичный импульс Дильтея был позднее утрачен, и переживание превратилось в слово, употребляемое в самых различных смыслах. Осталось только впечатление чего-то целостного и значимого. Такой вывод можно сделать, если, например, рассмотреть, как М. Хайдеггер говорит о переживании: «Например, до войны тенденция нашего толкования вот-бытия была направлена на “жизнь” и “переживание”. Все вокруг — вплоть до философии — говорили о “жизни” и “переживании” ... Но не ясно, то ли те, кто говорит о “переживании” в самом деле могут что-то “пережить”, то ли эта возможность уже исчерпана, и именно поэтому о ней пошла молва»³. Да, уже и молва пошла. Но дело, по-моему, не в том, что возможность исчерпана, а в том, что понятие осталось недостаточно разработанным.

3

Всего этого я, конечно, не знал, когда еще в ранней юности (это было в середине 60-х годов) открыл для себя феномен переживания. Сначала я использовал термин «аппроксимация», так как меня интересовало прежде всего предварительное переживание некоторого испытания (например, сдачи экзамена) и затем его соотношение с тем, как это испытание фактически происходит в дальнейшем. Примечательно, что после долгих колебаний я решил использовать слово переживание для вновь открытого мною феномена, то самое слово, которое, как мы видели в предыдущем историческом обзоре, первоначально и было образовано для обозначения этого феномена. У меня создалось впечатление, что интервалы сознания, соответствующие тому, что было названо переживанием, обладают структурой, которую можно внятно описать. Для человека, не склонного к самоанализу и не очень сведущего в философии, структуры сознания скрыты за конкретным материалом повседневной жизни и профессиональной работы. Поэтому большинство моих знакомых, когда слушали мои рассказы или даже читали мои первые работы на эту тему, видели в них в первую очередь какие-то психологические особенности автора. Это меня весьма удручало, поскольку я полагал, что значение этих наблюдений выходит далеко за рамки каких-либо личных обстоятельств.

Другие, более осведомленные люди, указывали мне на работы Э. Гуссерля, которые тогда стали известны в Советском Союзе благодаря книге Н. В. Мотрошиловой («Принципы и противоречия феноменологической философии»). Немецкого языка я не знал и поэтому прочел «Картезианские размышления» Гуссерля в английском переводе. Эта книга заинтересовала меня прежде всего впечатляющим призывом, идущим от Р. Декарта, не принимать на веру готовые мнения, а наблюдать явления сознания самому. Но конкретика меня в значительной мере разочаровала. У Гуссерля речь часто заходила о теле-

³ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. М., 1998. С. 286.

сном аспекте, а в моих наблюдениях этот аспект не играл существенной роли. И я долго не мог понять, в чем же причина такого различия. Теперь я, пожалуй, могу это объяснить. Метод Гуссерля — это воспроизведение в рефлексии прежде всего наличных актов сознания. Меня же интересовала целая цепочка актов, относящихся к некоторому реальному происшествию, или к происшествию, описанному в художественной литературе, и представляющая его как целое еще до всяких сознательных попыток это сделать.

Меня интересовало то, что вспоминается, грезится или ожидается само собой как некоторая навязанная данность. Данность, в каком-то смысле сопоставимая с данностью этого вот дерева (излюбленный пример феноменологов), которое я вижу сейчас своими глазами. Как в акте восприятия дан некоторый предмет, так и в интервале сознания, который мы часто называем переживанием, дан, навязан некоторый предмет. Это подсказало мне метод, отличный от метода Э. Гуссерля, хотя во многом подобный ему. Это метод сознательного теоретического припоминания того, что дано в этом целостном переживании, которое время от времени спонтанно возвращается ко мне. То, что способствует этому возвращению, можно назвать знаком. Как не бывает дыма без огня, так и всплывающее воспоминание является реакцией на некоторые элементы наличной ситуации, сходной с пережитой.

4

То, что удалось открыть благодаря этому методу, представлено в моей работе «Переживание и действие»⁴. Но теперь я хочу остановиться не на переживании как таковом, а на том, что переживается и что выше преднамеренно было названо нейтральными словами — происшествие, испытание.

Более точно можно сказать: то, что переживается в переживании, есть событие. Перефразируя известное изречение Г. В. Ф. Гегеля, можно говорить, что событие переживается, а переживание событийно (т. е. само переживание как таковое есть особого рода событие). Если прибегнуть к языку феноменологии, событие есть интенциональный предмет переживания.

Понятие события представляется простым только на первый взгляд. При более пристальном рассмотрении оно обнаруживает весьма сложную структуру. Вначале мы просто указываем на события разного рода и масштаба: космические события, например, возникновение галактики или планетной системы, события в масштабах человеческой цивилизации — возникновение и разрушение отдельных государств, войны, смена династий, эпохальные научные открытия, события жизни отдельного человека — рождение, учеба, вступление в брак, первая книга.

⁴ Мелас В. Б. Переживание и действие // Очерки феноменологической философии / Под ред. Я. А. Слинина, Б. В. Маркова. СПб., 1997. С. 154–207.

При этом события часто отождествляются с фактами. Говорят о фактах биографии и об исторических фактах. При этом под событием понимают некоторое происшествие, изменение в мире, которое состоялось в определенный момент времени. Все это, конечно, лишь самый поверхностный слой понятия события. Но уже в этом слое мы обнаруживаем существенную связь данного понятия с другими фундаментальными категориями — факт, время и мир.

Рассмотрим соотношение понятий факт и событие. Я полагаю, что факт — такое положение вещей, которое можно рассматривать отдельно от всего остального. Например, сумма углов треугольника равна двум прямым углам — математический факт. Тела при нагревании расширяются — физический факт. Наполеон родился в 1769 г. — исторический факт. Событие же — это такое изменение положения вещей, которое затрагивает и весь остальной мир. Только под миром здесь нужно понимать не обязательно космический мир или мир человеческой цивилизации, но и жизненный мир отдельного человека, и мир искусства, и другие миры. Что такое мир мы рассмотрим позднее, а сейчас будем исходить из того, что все нечто понимают под этим словом.

Событие происходит в мире и изменяет в той или иной степени этот мир (например, один из перечисленных выше). Когда мы говорим о факте, мы отвлекаемся от возможности его различных интерпретаций. Факт — нечто неизменное и твердо установленное. Событие же скорее похоже не на что-то прочное, как камень, а на живое существо. Интерпретация события постоянно меняется в свете последующих событий. Не только будущее, но и прошлое не предсказуемо. Чья-то крылатая фраза: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым» слишком узка по объему. Прошлое не предсказуемо не только в России, не надо быть такими самонадеянными!

Событие, будучи отнесенным к некоторому моменту времени, выходит за рамки этого момента и именно такой выход делает событие событием, а не просто фактом. Более того, само время измеряется нами по отношению к событиям. Так, летоисчисление, принятое теперь в большинстве стран мира, отсчитывает события от Рождества Христова. Так мы говорим «это было до войны» или «это было до того, как распался Советский Союз».

5

События происходят в мире и изменяют его существенным образом, но так, что он не перестает оставаться миром, т. е. замкнутой, связной и целостной совокупностью всего, что его составляет.

Рассмотрим в качестве примера жизненный мир. Жизненный мир — мир, в котором я живу, — есть ближайшим образом мой мир. Но, оставаясь моим миром, он есть вместе с тем мир, который я разделяю с другими людьми.

Мой мир — это не только мой внутренний мир, т. е. мои мысли, чувства, переживания, но также и мир, в котором я имею друзей, это и мир моих вещей, моего образа жизни, моего общественного положения, мир, в котором я обладаю телом, подвергнутым страданиям и риску уничтожения. Это и мир моих дел, моих профессиональных занятий. Поэтому и переживание не остается только переживанием, но и оборачивается готовностью к действиям, решениями и решимостью что-то изменить в мире, если это необходимо для его существования и совершенствования.

Этот мир изнутри социален. Я мыслю при помощи слов и понятий, которые не сам придумал. Пользуюсь инструментами, сделанными другими людьми. Живу в доме, построенном другими.

Хайдеггер выделяет такие структуры, как окружающий мир, мир подручных вещей, мир природы. Сюда можно добавить и мир культуры, и мир индивидуального мнения. Здесь не место подробного обсуждения этих структур и их взаимосвязи. Я хочу остановиться лишь на взаимоотношении переживания и события, а также на понятии мира как такового. Переживание само по себе есть некоторое событие, и как таковое оно влечет другие события — поступки и дела.

6

События происходят в мире. Но что такое «мир»? Хайдеггер сетовал на то, что «мировость» мира остается незамеченной. Но что такое «мировость» мира? По Хайдеггеру, это кроме прочего ориентированность.

Хайдеггер поясняет это понятие в полемике с Кантом на следующем примере. Допустим, я вхожу в знакомую, но темную комнату, в которой за время моего отсутствия все было переставлено так, что стоявшее справа теперь стоит слева. Тогда чувство для правого и левого ничуть не поможет мне сориентироваться, пока я не дотронусь до определенного предмета, «местонахождение которого, — мимоходом замечает Кант, — я помню». Но что значит это «помню», если не то, что я с необходимостью ориентируюсь на основе и внутри уже-бытия в моем мире? Ведь то, что я дотрагиваюсь до предмета, «местоположение которого я помню», имеет не меньшее значение для моей ориентировки, чем чувство для правого и левого. Неудовлетворительное понятие вот-бытия — понятие изолированного субъекта — приводит Канта к неадекватной трактовке того, что делает возможной ориентацию по правой и левой стороне (вот-бытие — хайдеггеровское определение человека)⁵.

Однако речь в этом примере идет только о пространственной ориентировке и о том, что «я помню» расположение вещей в окружающем меня мире. Но то, что «я помню» — это, более общим образом, мои переживания,

⁵ Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. С. 245.

которые могут вспоминаться как таковые, а могут, не проявляясь явным образом, определять мое отношение к различным аспектам моего жизненного мира. Ориентация в мире подразумевает, в частности, и понимание взаимоотношения людей. Я «помню», какова репутация того или иного человека, с которым мне приходилось сталкиваться в различных обстоятельствах или о котором я слышал от других. Репутация, подобно расстановке предметов в комнате, время от времени меняется — в зависимости от поступков и их результатов.

7

Еще я «помню» значение слов родного языка, хотя по мере расширения моего жизненного опыта и по мере изменений в окружающем мире, значения слов тоже незаметным или явным образом модифицируются. В романе Марселя Пруста «У Германтов» есть эпизод, когда герой встречает свою приятельницу, которую давно не видел и замечает разительную перемену в ее речах. «И тем не менее мне казалось, что в своей среде Альбертина не могла почерпнуть слово “замечательный” в том смысле, какой придавал ему мой отец. Я не мог себе представить, чтобы кто-нибудь в семье Симоне употребил слово “отбор” даже в применении к гольфу, так же как сочетание существительного “отбор” с прилагательным “естественный” не найдешь ни в одной книге, изданной за несколько столетий до выхода трудов Дарвина. “Период времени” я принял за еще более добрый знак. Наконец, для меня стало очевидным, что в жизни Альбертины произошли неизвестные мне, но несомненные и притом обнадеживающие меня потрясения, когда Альбертина проговорила самодовольным тоном человека, к мнению которого прислушиваются: с моей точки зрения, это наилучший выход... Я полагаю, что это самое мудрое решение»⁶.

Конечно человек, умеющий правильно употреблять выражение «с моей точки зрения» — это человек достаточно высокого умственного развития со значительным жизненным опытом.

Чрезвычайно важно задуматься как, собственно, мы овладеваем родным языком (в раннем детстве) и постоянно совершенствуем это владение. Конечно, ребенку указывают на некоторые предметы и называют соответствующие слова. Но далеко не все слова обладают значением, допускающим прямое указание. Многие слова и обороты нужно услышать многократно в разных контекстах и скорее угадать или распознать их значение, чем просто выслушать объяснение. Чтобы более-менее адекватно воспринимать, скажем, математический язык, нужно много и плодотворно работать над соответствующими математическими проблемами.

Слово есть действие (произнесение слова с определенными намерениями), но оно есть и переживание, которое отсылает ко всем случаям употреб-

⁶ Пруст М. У Германтов. СПб., 1999. С. 357.

ления этого слова. Слово есть также событие, так как оно раскрывает нам мир в определенном аспекте. А национальный язык есть одно из основных событий национальной истории. Помните у Тургенева: «В дни сомнений...».

8

«Мировость» мира — такое сплетение своих элементов и частей, когда изменение одного из них многообразно отзывается в остальных. Именно поэтому изменение в мире всегда событие. Более того, мир — это есть исключительно арена событий. Нет ничего более далекого от сути дела, чем представление о том, что события происходят на поверхности тел (как утверждает Ж. Делёз)⁷. Прежде всего, тела существуют только как элементы физического мира (или как элементы математического описания этого мира, но тогда это уже чисто математические тела). Ж. Делёз, конечно, говорит преимущественно о живом теле — рана как событие. Но рана переживается и как физическая боль, и как ущербность в смысле ограничения возможностей. Таким образом, рана как явление на поверхности тела есть медицинский факт, но не событие человеческой жизни.

9

Есть примечательная несоразмерность феноменологического времени, которое сопровождает переживание, и астрономического. Астрономическое время мы соотносим с положением стрелок часов. Событие, как и переживание, никогда не укладывается в отведенное для него астрономическое время.

Положение стрелки часов — это само по себе событие. Это событие символично, так как оно отсылает нас к нашим общественным обязанностям и повседневным делам. И оно чуть ли не главное событие в жизни современного человека. Вот как выразительно это описано в стихотворении Осипа Мандельштама:

Нет, не луна, а светлый циферблат
Сияет мне, и чем я виноват,
Что слабых звезд я осязаю млечность?
И Батюшкова мне противна спесь.
«Который час?» — его спросили здесь,
И он ответил любопытным: «Вечность».

1912 г.

И дело, конечно, не только в том, что современному человеку даже луна напоминает циферблат. Завороженные движением стрелок часов, мы забыли о других куда более важных событиях.

⁷ Делёз Ж. Логика смысла. М., 1998. С. 198–204.